

сификации персонажей,¹² они занимали в языковой системе принципиально иное положение, чем элементы «высокие», четче изолировались в особую группу. Отмеченное П. Н. Берковым ослабление с конца 1770-х годов и постепенное исчезновение манеры подчеркнуто «диалектного» изображения языка крестьян в комедии¹³ свидетельствует о сдвигах в поэтике данного жанра. В то же время возникает проблема разграничения «низкого» стиля как специфической категории системы «трех стилей» и того — условно говоря — «простого стиля», который входит в иные системные отношения, соотносясь с книжным «славяно-русским» языком (наиболее яркие образцы этой стилистической разновидности можно найти в прозе Новикова, Крылова и др.). Важно подчеркнуть в этой связи необходимость строгого разграничения разных явлений; употребление просторечия и простонародных элементов как условный прием, связанный с традициями низкого стиля; простое отражение ненормированности устной речи; процесс ассимиляции (но не обязательно нейтрализации) просторечия общелитературным языком, по-разному отраженный в «простом стиле» и отчасти в «новом слог».

Известное положение о том, что в конце XVIII и начале XIX в. норма общелитературного языка с наибольшей чистотой воплощалась в художественной литературе, справедливо с той оговоркой, что в то же время именно художественная литература (затем — только поэзия) обладала в качестве нормативных такими языковыми средствами, которые становились чуждыми общелитературному языку. В этом своеобразии места языка художественной литературы в системе литературного языка этой поры.

---

¹² См.: В. В. Виноградов. Некоторые вопросы и задачи изучения истории русского литературного языка XVIII века. — Тезисы докладов на совещании по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени, М., 1960, стр. 4.

¹³ См.: П. Н. Берков. О языке русской комедии XVIII века. — Известия АН СССР, ОЛЯ, т. VIII, вып. 1, 1949, стр. 43.